

Действительно, в деле убийства Ли Цзюя у неё не должно было быть никаких колебаний. Любое сомнение являлось прямым оскорблением памяти её замученной до смерти матери и искалеченной, чудом выжившей Вэй Тинсюй. Нельзя было отрицать, что речи А-Синь на мгновение сбили её с толку и тревожным набатом отозвались в груди. В этом мире будет ещё очень много вещей, которые озадачат её и заставят зайти в тупик. Точно так же было в детстве, когда мать только начинала обучать её чтению классических трактатов «Чжоу и», «Шан шу» и «Эр я»¹. Сначала мама заставляла её зазубривать строки наизусть, и лишь затем, строчка за строчкой, неторопливо объясняла их глубинный смысл.

¹Классическая триада книг: 易经, 尚书, 春秋 – высший канон древнекитайской образованности. «Чжоу и» (周易) – «Книга перемен», древнейший философский и гадательный трактат, описывающий законы вселенной через триграммы. «Шан шу» (尚书) – «Книга преданий» или «Канон записей», собрание древнейших исторических документов, речей правителей и указов. «Эр я» (尔雅) – первый в истории Китая толковый и энциклопедический словарь (III-II вв. до н.э.), лингвистическая основа для понимания всех священных текстов.

У Чжэнь Вэньцзюнь была светлая голова и отличная память, она всё схватывала на лету, но тогда она запоминала лишь сухие знаки и фразы. Глубокую и далёкую суть этих книг она, пожалуй, не способна была до конца постичь даже сегодня. Возможно, ей потребуется потратить всю свою жизнь и накопить колоссальный опыт, чтобы капля за каплей осознать написанное. А ещё более вероятно то, что за всю свою жизнь она так и не сможет расшифровать этот код древних.

Но сейчас, по крайней мере, истерзанное тело Вэй Тинсюй заставило Чжэнь Вэньцзюнь воспрянуть духом. Теперь она чётко знала, с какими именно волками и шакалами имеет дело. Эти люди были не просто свирепы по своей природе, они ещё и коварно именовали себя фракцией «Цинлю», обманывая и водя за нос бесчисленное множество людей ради достижения собственных целей. Чжэнь Вэньцзюнь ни за что не позволит им снова ослепить себя.

В то самое время, когда элитная гвардия семьи Вэй с боем прорвалась на северный фронт, Ли Цзюй натолкнулся на самый непреодолимый и страшный барьер в своей жизни.

Стрела, пробившая его живот, была отравлена.

Все стрелы без исключения в колчанах лучников Чунцзиня были густо смазаны ядом.

На поле боя как полководцы, так и простые солдаты в большинстве своём носили тяжёлые доспехи и шлемы. Сила натяжения лука ограничена, к тому же стрелы чаще всего выпускались с дальней дистанции, так что пробить вражескую броню и нанести мгновенную смертельную рану было делом отнюдь не лёгким. В большинстве случаев воин, утыканный стрелами точно дикобраз, мог спокойно пробежать ещё три ли. Именно поэтому в нынешнюю эпоху абсолютно все, как древние государства Центральных равнин, так и окружающие их варварские племена Ху, завели незыблемое правило мазать наконечники стрел ядом. Стоит снаряду хоть слегка зацепить врага, и даже если он не пронзит сердце или лёгкие, яд гарантированно отправит жертву на тот свет.

Ли Цзюй мог бы полностью исцелиться всего за семь дней, оставив на теле лишь бледный шрам размером с ноготь, если бы только на нём были защитные доспехи. Будь на нём в тот момент хотя бы самый примитивный деревянный панцирь, он бы без труда остановил стрелу, и император уж точно не рухнул бы с высоты вала.

Слово «если» звучит легко и просто, но с древнейших времён никто в мире так и не смог повернуть время вспять.

Ли Цзюй неподвижно лежал на ложе, его глаза полностью утратили способность различать очертания предметов.

– Да что в конце концов с императором?! Можно ли до конца вывести этот проклятый яд?!

Сквозь пелену забвения до его слуха долетали смутные звуки. Это был яростный, требовательный голос Ся Цзина, ругающего лекаря. Ли Цзюй мог уловить отдельные слова, но был совершенно не в силах связать их воедино в своём сознании, чтобы составить целостную мысль.

Ся Цзин прекрасно видел, что рассудок правителя помутился: даже когда император открывал глаза, на десять вопросов он мог едва выдать пару несвязных звуков. Поэтому, устраивая допрос лекарю, Ся Цзин даже не подумал уйти подальше от постели больного, он просто выволок бедолагу за дверь покоев и сразу перешёл на крик.

– Это... ваш покорный слуга и сам не смеет утверждать наверняка, что это за токсин. Сейчас яд уже глубоко проник в мышечные ткани и кожу. Будь у нас возможность срезать поражённую плоть, то, вероятно, остался бы призрачный шанс на спасение. Однако сейчас дело не только в яде. Сын Неба рухнул с вершины городской стены и сильно ударился вот здесь... И именно эта травма является смертельной, – лекарь со скорбной миной указал пальцем на собственную голову.

По правде говоря, его самого пригнали на этот суровый северный фронт силой, чему он был крайне не рад. Кто же мог знать, что, прибыв на передовую, он не увидит простого раненого солдата, а ему сразу притащат спасать самого императора! На самом деле он был всего лишь мелким, незначительным лекарем в резиденции Старшей Принцессы, и вся его работа заключалась в том, чтобы следить за сменой времён года и составлять для Ли Яньи правильное ежедневное меню, дабы в её организме не скапливался лишний жар или холод. Обычный лекарь, заботившийся о здоровом образе жизни! Кто же мог подумать, что по приезде на фронт его силой запишут в «придворные лекари» высшего ранга! Он битый час пытался объяснить, что его опыт ничтожен, а познания в хирургии не позволят ему врачевать подобные раны императора. Однако все остальные лекари проявили завидную прыть и разбежались кто куда, так что Ся Цзин сумел поймать лишь его одного. Командир гвардии Хубэнь с такой силой рванул его за руку, что едва не сломал кость, и заорал во всю глотку:

– Да какая к чёрту разница?! Раз ты лекарь, значит, обязан уметь лечить болезни! Сын Неба сейчас лежит при смерти с тяжелейшими увечьями, а ты без конца ищешь отговорки и

пятишься назад! Какие коварные замыслы ты вынашиваешь в своём сердце?! Уж не Старшая ли Принцесса перед отъездом строго-настрога велела тебе не прикасаться к ранам императора?! Неужто вы ещё до прибытия на север задумали отправить императора к праотцам?! Говори! Это Ли Яньи приказала тебе так поступить?!

От столь страшного, расстрельного обвинения, внезапно рухнувшего на его голову, несчастный лекарь, лишь ведающий питанием, смертельно перепугался и задрожал как осиновый лист:

– Нет-нет-нет, я никогда, упаси Боже, не говорил ничего подобного! Не нужно возводить на меня напраслину и клеветать! Я всего лишь...

– Ну вот и славно! Раз так, то ты обязан поставить императора на ноги во что бы то ни стало! А не то... сам прекрасно понимаешь, что тебя ждёт!

Этот лекарь был женат уже больше десяти лет, и лишь в прошлом году супруга наконец подарила ему долгожданного сына. Вся его счастливая жизнь была ещё впереди, и умирать на чужбине под топором палача ему не хотелось. Сцепив зубы от ужаса, он был вынужден пересилить страх взяться за инструменты. Увы, Ли Цзюй был ранен слишком тяжело, и надежды на спасение не оставалось вовсе. Здесь даже воскресни из мёртвых легендарный Хуа То или возродись великий Бянь Цяо², они всё равно были бы бессильны вернуть правителя к жизни.

²Хуа То и Бянь Цяо (扁鹊) – два величайших, полумифических врача в истории древнего Китая. Бянь Цяо (V в. до н.э.) славился гениальной диагностикой по пульсу, а Хуа То (II–III вв. н.э., эпоха Троецарствия) признан отцом китайской хирургии и анестезии, совершавшим сложнейшие полостные операции и трепанации черепа.

Увидев, что лицо врачевателя ничуть не походит на шутку, Ся Цзин осознал всю катастрофичность положения. Перед его глазами на мгновение всё потемнело, и он горько, сокрушённо выдохнул.

– Надо же, в столь судьбоносный и важный для страны момент Сын Неба вдруг... – Ся Цзин низко опустил голову, лихорадочно соображая. Внезапно в его уме созрело страшное решение, и он вскинул взгляд на несчастного лекаря.

Врачеватель заметил, как рука командира гвардии бесшумно скользнула к рукояти висевшего на поясе длинного меча. Перепугавшись до смерти, он резко развернулся и бросился бежать без оглядки. Однако Ся Цзин всего в два широких шага настиг беглеца и с размаху обрушил клинок ему на спину. Лекарь с душераздирающим криком повалился на землю. Ся Цзин жёстко припечатал его тело сапогом к полу и одним резким движением вогнал тяжёлый меч прямо в его горло. Когда он выхватил оружие обратно, густой фонтан крови со шлепком окропил пол и стены длинного коридора.

– Передать мой личный приказ... – Ся Цзин повернулся к неотлучно следовавшим за ним воинам гвардии Хубэнь. – Всех лекарей, кто хоть раз переступал порог покоев Сына Неба и

прикасался к его телу, пустить под нож! Живым не оставлять никого!

– Слушаемся!

Чжэнь Вэньцзюнь поначалу решила, что ей просто померещилось. Когда ей понадобилось отыскать хоть какого-нибудь лекаря, чтобы обработать собственные раны, в городе не нашлось ни души. Ведь Вэй Тинсюй лично уверяла её, что привезла с собой на фронт больше сотни искусных медиков, и ещё пару дней назад все они без устали латали раненых воинов на улицах. Куда же они умудрились испариться в один миг?

– Ли Цзюй умирает.

Едва Чжэнь Вэньцзюнь упомянула о внезапном исчезновении всех лекарей, как Вэй Тинсюй мгновенно сделала единственно верный и пугающий вывод.

Рассудок Чжэнь Вэньцзюнь сработал так же молниеносно, и она сразу всё поняла:

– Вот оно что! Жизнь и смерть Ли Цзюя тянут за собой слишком огромный узел последствий. Если известие о его кончине просочится наружу прямо сейчас, это не просто заставит армию Чунцзиня ринуться на штурм и в одно мгновение сокрушить всю нашу северную линию обороны, ещё это позволит Старшей Принцессе мгновенно прибрать к рукам и заблокировать Запретный город в столице. Именно поэтому, даже если он уже мёртв, весть о его гибели будут скрывать до последнего. Чтобы сберечь эту тайну и выиграть как можно больше драгоценного времени, они попросту вырезали всех лекарей, знавших подлинное состояние Ли Цзюя.

Вэй Тинсюй лишь тонко, леденяще улыбнулась:

– Этот шаг - вопиющая глупость, попытка прикрыть решетом небо. Изначально никто и понятия не имел, что правитель стоит на пороге смерти, но эта массовая резня среди медиков со стопроцентной точностью доказала, что Ли Цзюй уже едва влачит своё жалкое существование. Впрочем, я полагаю, что перед уходом на северный фронт он гарантированно оставил тайное завещание и с высокой долей вероятности выбрал себе преемника среди ванов.

При этой мысли Вэй Тинсюй без промедления велела Чжэнь Вэньцзюнь подать тушь и свитки. Её изящная кисть молниеносно начертала пять абсолютно непохожих друг на друга писем, в структуру которых был ювелирно вплетён самый сложный шифр «цзыянь». Передав послания пяти доверенным гонцам, она приказала им скакать в столицу Жуниин разными дорогами и с разным интервалом времени, чтобы гарантированно доставить весть в руки Ли Яньи.

Ли Яньи получила секретное послание от Вэй Тинсюй в рекордно короткие сроки. На бамбуковом свитке красовались всего две невинные строки из знаменитой оды «Дуаньгэ син»: «Владыка Си-бо Чжоу Синь Чан обладал этой священной добродетелью. Он разделил Поднебесную на три части, и двумя из них владел безраздельно...». Свернув текст с тайным шифром, о котором они условились давным-давно, Ли Яньи сразу прочла истинный смысл. Знак

«Три» означал: «Ли Цзюй при смерти». Знак «Два» гласил: «Вырезать и ликвидировать всех принцев-ванов».

Ли Яньи ещё задолго до этого вызубрила все ключи к шифрам наизусть. Даже если бы это секретное письмо перехватили враги, никто во всей Поднебесной не смог бы разгадать его истинную суть. Этот код был тайной, принадлежавшей лишь двоим людям на земле: Ли Яньи и Вэй Тинсюй.

И Старшая Принцесса начала действовать без секундных колебаний, все приготовления были завершены у неё уже давно.

Пусть они пока не знали, кому именно из принцев Ли Цзюй завещал трон, круг потенциальных мишеней очертить было проще простого. Ликвидировать нужно было абсолютно всех.

В династии Великой Юй насчитывалось двадцать восемь принцев-ванов. Если отбросить совсем юных и несмышлёных, которым нельзя было доверить столь тяжкое бремя, и дряхлых стариков, что уже наполовину лежали в сырой земле, а также вычесть шестерых принцев из фракции самой Ли Яньи, в остатке выходили лишь трое: Фэнъян-ван Ли Мао, Минцзян-ван Ли Хуэй и Хуайань-ван Ли Сун. Ли Мао в свои сорок три года был в самом расцвете сил, однако из-за многолетнего и непрерывного курения «Порошка Фужун» лишился всех зубов и превратился в живой труп. Минцзян-ван Ли Хуэй был молод и одарён, но питал невероятную слабость к женскому полу. Ли Яньи ещё шесть лет назад начала без умолку засылать в его поместье лучших столичных красавиц и отменные вина, заставив его безвозвратно погрязнуть в винных озёрах и мясных берегах и впустую растратить лучшие годы. Эти двое не представляли ни малейшей угрозы, и единственным реальным претендентом оставался Хуайань-ван Ли Сун. Ли Сун с самого детства снискал славу вундеркинда, он не поддерживал близких отношений с Ли Цзюем, но при этом оставался единственным принцем, кто во всеуслышание заявлял: «Опиум и снадобья погубят наше государство».

Ли Яньи и Вэй Тинсюй единодушно сходились во мнении, что именно на него падёт выбор императора.

Ли Яньи прекрасно понимала, что пустить под нож Ли Мао и Ли Хуэя не составит никакого труда, она давно расставила подле них своих тайных агентов, которым в заветный час нужно будет лишь полоснуть их клинками по горлу. Самая же большая сложность заключалась в том, как оборвать жизнь осторожного Ли Суна.

Вэй Тинсюй тогда сказала ей, что у каждого смертного на земле есть своя уязвимость. Если Ли Сун кажется безупречным со всех сторон, то лишь потому, что они ещё недостаточно хорошо изучили его натуру. Нужно лишь заставить лазутчиков круглосуточно и без усталости следить за каждым его шагом, и он неизбежно выдаст свой главный секрет.

Спустя месяц после того, как Чжэнь Вэньцзюнь отправилась в северный поход, шпионы наконец нащупали слабое место Ли Суна. Ли Яньи и Вэй Тинсюй обменялись понимающими улыбками. Этот изъян был поистине смертельным.

Внешне непреклонный, суровый и праведный Хуайань-ван втайне от всех страстно увлекался алхимией и выплавлением пилюль бессмертия.

К моменту, когда Вэй Тинсюй вместе с отрядами Вэй Цзиньаня двинулась к Мэнляну, Ли Яньи уже нанесла свой скрытый удар. Ли Сун принял первую дозу яда, искусно подмешанного в его алхимические снадобья.

- Буду ждать твоего триумфального возвращения в столицу! - Ли Яньи, облачённая в роскошное расшитое платье, провожала её у ворот весеннего Жунина. Вэй Тинсюй уже тогда отчётливо видела в её глазах неистовую, непреклонную ауру истинного владыки Поднебесной. - К тому времени... - Ли Яньи обернулась и устремила взор на великие, вековые крепостные стены этой древней столицы трёх династий. - ...здесь сменится хозяин престола.

На самом деле Ли Яньи всей душой рвалась на фронт. Согласно их первоначальным планам, она обязана была лично участвовать в нескольких крупных сражениях на передовой, чтобы завоевать преданность и любовь народных масс. Однако внезапное и упрямое решение Ли Цзюя лично возглавить карательный поход перепутало им все карты. Тактика экстренно сменилась, и вместо долгого собирания народной любви они перешли к молниеносному уничтожению самого Ли Цзюя. Это была смертельно опасная, но при этом максимально эффективная стратегия. Пока Ли Цзюй мёртв - со всем остальным совладать будет просто.

Ли Яньи осталась в Жуnine, ведя непрерывную, изнурительную дипломатическую и шпионскую дуэль против Се Фучэня. Каждая из сторон крепко сжимала в руках свои скрытые фигуры, выжидая идеального момента для финального шаха и мата, дабы вырезать фракцию соперника подчистую.

Ли Яньи не могла покинуть Жунин, но и Се Фучэнь тоже не смел сделать ни шагу вон из столицы. Они намертво сковали друг друга в этой невидимой схватке. И в тот самый миг, когда силы Се Фучэня начали постепенно иссякать, сама судьба пришла на выручку Старшей Принцессе. К тому же колоссальное могущество семьи Вэй капля за каплей продолжало являть себя миру.

После того как старший сын Вэй Луня Вэй Цзинсю пал от рук заговорщиков, глава приказал всем оставшимся сыновьям до времени полностью скрыть свои таланты, затаиться и вести себя тише воды, ниже травы. Второй сын, Вэй Цзиньань, всегда безгранично обожал и боготворил старшего брата, среди всей молодой поросли Вэй только он один мог сравниться с покойным Цзинсю по уму и воинской доблести. Именно по этой причине Вэй Лунь позволил ему лишь в возрасте двадцати пяти лет поступить на службу к командующему в качестве мелкого исполнителя, время от времени отправляя его с инспекциями и патрулями в окрестности Жунина, что было ничтожно малой и праздной должностью.

Однако выдающийся стратегический ум и великие амбиции Вэй Цзиньаня вовсе не стёрлись в прах за годы этого унылого, рутинного прозябания в тылу. Напротив, одиночество и безвестность сделали его характер ещё более острым и опасным, точно лезвие. Чтобы не привлекать внимания шпионов, он мог практиковаться в боевых искусствах и штудировать военные каноны лишь в глухой ночи, когда весь город погружался в сон. Он прекрасно

понимал, ради чего отец заставил его копить силы в этой тени. Он обязан был отомстить за гибель старшего брата и смыть позор с имени клана Вэй!

И вот наконец этот благословенный час настал. Вэй Цзинъань получил возможность выпустить на волю того неистового, дикого скакуна, что долгие годы томился в его груди. Он сотрёт в порошок эту жалкую увядшую траву вражеских порядков, он на конях ворвётся на северные рубежи и заставит кочевников Чунцзиня на собственной шкуре узнать, какова в бою ярость мужей Великой Юй!

Скрывавшийся долгие годы в тени второй сын Вэй наконец обрёл своё поле битвы. Накопленная за десять лет глухой изоляции исполинская мощь вырвалась наружу, словно величественный лазурный дракон, сошедший с небес на дикие поля: он крушил врагов на все четыре стороны.

Семья Вэй копила силы долго и упорно, и теперь как Вэй Цзинъань в седле, так и Вэй Тинсуй в совете обладали поистине сокрушительной, смертоносной силой.

Что же касается Се Фучэня, то оба его законных сына от главной супруги к этому моменту уже погибли. Его единственная законная дочь А-Синь после своего двадцатилетия полностью отделилась от отца и разорвала с ним духовную связь, и в этой семейной трагедии была огромная, невидимая вина самой Ли Яньи. Се Фучэнь прекрасно знал обо всём, но за все эти годы ни единым словом не упрекнул А-Синь. Мало того, когда он узнал, что коварный Фэн Кунь, пытаясь посеять раздор и стравить между собой Ли Яньи и Вэй Тинсуй, цинично использовал А-Синь в качестве безмозглой пешки в своей интриге, командующий Се пришёл в неопишемую, бешеную ярость. Воспользовавшись ответным планом Вэй Тинсуй, он со всей жестокостью стёр весь клан Фэн с лица земли, устроив им тотальную резню. Однако даже эта кровавая баня не принесла его иссохшему сердцу подлинного облегчения.

Помимо законных детей, у него было немало отпрысков от наложниц, однако большинство из этой незаконнорождённой поросли были глупы, трусливы и вызывали у Се Фучэня лишь глубокое разочарование. Его любимая законная супруга ушла в мир иной слишком рано, оставив ему лишь двоих сыновей и одну дочь. И только много лет спустя на его жизненном пути повстречалась А-Цюн...

Весна стремительно близилась к концу, и звёзды на ночном небе сияли всё отчётливее.

Се Фучэнь сидел во внутреннем дворике своей резиденции, без конца вертя в руках крошечную бамбуковую планку, на которой было начертано известие о тяжёлом ранении Ли Цзюя.

Перед ним сиротливо стояла единственная чаша с холодным вином, в которой, точно ущербная луна, дрожало отражение ночного светила.

На самом деле у него всё ещё оставался один-единственный шанс. Был способ одним махом перевернуть нынешнее, крайне невыгодное для него положение дел. Стоит ему лишь открыть рот, и Вэй Тинсуй погибнет. А лишившись этого ключевого мозгового центра, Ли Яньи уже не

сможет удерживать инициативу, и сокрушить её фракцию не составит большого труда.

Безусловно, это был бы самый идеальный исход. Но что, если произойдёт осечка? Что, если в конечном итоге ему так и не удастся полностью прибрать бразды правления к своим рукам? Ведь точно так же, ещё до того, как вступить в эту смертельную игру престолов, он наивно полагал, будто просчитал миллионы сценариев и его тактика безупречна. Кто же мог знать, что сегодня он окажется на грани тотального разгрома?

Он раскрыл ладонь. В его памяти вновь возник образ той, чьи загорелые в многолетних походах до тёмного цвета пальцы когда-то бережно скользили по линиям его руки, приговаривая:

– Линия ума у тебя тонкая, точно паутинка. Ты и впрямь наделён выдающимся талантом, умён и гениален сверх меры. Вот только...

– Вот только что? – Се Фучэнь тогда длинными ресницами смахивал набегавшие слёзы от смеха и с нежной, сладкой, как мёд, улыбкой взирал на стоявшую перед ним женщину. Та лишь шутливо ткнула пальцем в его ладонь и закончила:

– Вот только жизнь твоя будет коротка.

Се Фучэнь тогда раскатисто расхохотался:

– Я всего лишь вчера без спросу стянул твой меч, чтобы немного поупражняться в фехтовании, а ты уже сегодня проклинаешь меня и сулишь скорую смерть?

– Вовсе нет, – женщина в ответ раскрыла собственную ладонь. – Я говорю чистую правду. Смотри, моя линия жизни ещё короче твоей.

В те годы он принял её слова за обычную невинную шутку и давным-давно выбросил их из головы, но именно сегодня, в эту глухую ночь, воспоминание всколыхнулось в нём с новой силой.

Кто бы мог подумать, что А-Цюн, помимо обладания непревзойдённой, вошедшей в легенды мудростью и отвагой, в действительности ещё и умела читать судьбу по руке.

Се Фучэнь тихонько хмыкнул. С каждым коротким смешком он осушал по чашке, и под порывами завывающего в ночи ледяного ветра кувшин с вином опустел в один миг.

Тем временем на севере все затаили дыхание в мучительном ожидании. Одна сторона из всех сил пыталась скрыть агонию Ли Цзюя, стремясь сначала полностью отбросить армию Чунцзиня, другая готова была перерыть землю вглубь, чтобы вытащить весть о кончине правителя наружу, провозгласить её на весь мир и тем самым добиться своих политических целей. И в этот самый момент Ли Цзюй вопреки всему внезапно поднялся с постели.

Неотлучно дежурившие у дверей Ся Цзин и А-Синь, едва услышав шорох, вихрем влетели в покои. Перед их глазами предстал Ли Цзюй: облачённый в одну лишь тонкую нательную рубаху, он стоял посреди насквозь пропитавшейся горьким запахом лекарств комнаты и как раз собирался распахнуть окно.

– Ваше Величество! – в панике выкрикнул Ся Цзин. – Вы тяжело ранены и ещё не исцелились, вам нельзя открывать окно! Если вас снова продует ледяным ветром, это нанесёт сокрушительный удар по вашему драгоценному здоровью!

Ли Цзюй медленно обернулся и посмотрел на него. В его глазах лицо Ся Цзина на мгновение слилось и совпало с ликом Вдовствующей Императрицы Гэн.

Матушка Гэн точно так же всю жизнь тенью стояла за его спиной, вечно запрещая ему то одно, то другое.

– С каких это пор слуги Нашего двора имеют дерзость указывать Нам, что делать? – тихим, леденящим тоном спросил Ли Цзюй.

– Этот слуга не смеет, – Ся Цзин от этого вопроса мгновенно лишился дара речи. Он опустился на колени прямо у порога и не уходил, в полном ошеломлении переглядываясь с А-Синь. Сама же А-Синь не проронила ни слова, она лишь сузила зрачки, ювелирно изучая каждое движение Ли Цзюя.

Император настежь распахнул створки. Ветер снаружи по-прежнему был студёным, однако ему показалось, будто в морозном воздухе уже отчётливо витает тонкий аромат весенних цветов.

– Сколько времени Мы провели в беспамятстве? – спросил Ли Цзюй.

– Уже... без малого двадцать дней, – глядя на то, как к императору внезапно вернулись силы и бодрость, Ся Цзин почувствовал, как его сердце сжимает первобытный, леденящий ужас.

В его голове билась лишь одна страшная мысль: это не исцеление, это классический феномен «возвращения света перед угасанием» - предсмертная вспышка активности, и Сын Неба может отойти в мир иной в любую секунду.

– Подумать только, Мы провалялись в забытии столь долгий срок... Барышня Се, – Ли Цзюй указал пальцем на А-Синь. – Тебе надлежит нести стражу и оборонять Мэнлянь, какого ты торчишь здесь и буравишь Нас глазами? Кхм-кхм-кхм... Ступай немедленно на передовую, нечего беспокоиться о Нашем здоровье!

А-Синь и Ся Цзин пребывали в глубоком замешательстве. Неужто тяжелейшая рана и смертоносный яд в организме Ли Цзюя каким-то неведомым, чудовищным чудом

действительно были полностью исцелены руками того самого незадачливого лекаря из свиты Ли Яньи?

Ли Цзюй действительно оказался невероятно живучим. Тот врачеватель отродясь умел лишь выписывать рецепты для поправления женского здоровья и, столкнувшись на передовой с тяжело раненным Сыном Неба, перепугался не на шутку. Действуя на свой страх и риск, он наугад влил в императора несколько лекарственных отваров, от которых Ли Цзюю стало только хуже. Когда лекарь вновь пощупал его пульс, тот был уже настолько слабым, что надежды на спасение не оставалось. Понимая, что его всё равно отправят в могилу вслед за императором, незадачливый медик решил пойти ва-банк и сделать последнюю отчаянную ставку, уповая лишь на волю Небес.

Он вкатил императору ударную дозу сильнейших снадобий, а вдобавок провёл кровопускание из черепных точек с помощью иглоукалывания. Ли Цзюя три дня и три ночи рвало наизнанку, его мучила раскалывающая голову боль, но чудовищный яд варваров действительно в огромном количестве вышел вместе с рвотой. Сверху лекарь поддержал его угасающие силы множеством редких и драгоценных снадобий, применив тактику «лечения яда ядом», он сотворил чудо, и император выжил. Жизнь Сына Неба была спасена, однако сам несчастный лекарь до этого светлого дня, увы, уже не дожил.

А-Синь несла стражу в уезде Цзе ещё двое суток. Убедившись, что Ли Цзюю с каждым часом становится всё лучше, а его восстановление приняло стабильный и надёжный характер, и что подле него круглосуточно дежурит Ся Цзин во главе уцелевших гвардейцев Хубэнь, она приняла решение. Её собственные раны к тому времени уже затянулись на семь-восемь долей из десяти, и А-Синь незамедлительно помчалась обратно к Мэнляну, чтобы сойтись с вождём Хаэрцы в финальной, смертельной схватке.

Чжэнь Вэньцзюнь знала, что А-Синь покинула уезд Цзе и ушла на Мэнлян, где уже вовсю сражался Вэй Цзинъань. Какое великое, бурлящее противостояние титанов кипело сейчас под стенами крепости, можно было представить без труда. Чжэнь Вэньцзюнь и сама всей душой рвалась туда, мечтая встать плечом к плечу с Вэй Цзинъанем и всласть покрошить проклятых варваров. Скажи она об этом Вэй Тинсюй, и та наверняка отпустила бы её без лишних слов. Как-никак, помочь воинам семьи Вэй покрыть себя славой и истребить врагов - дело первойшей, наивысшей важности.

Чего она никак не могла предугадать, так это того, что, даже не успев выдвинуться к Мэнляну, она совершенно случайно наткнётся на грандиозный, чудовищный заговор.

Отправляясь на северные рубежи, Вэй Тинсюй пригнала несколько огромных повозок, доверху набитых отборным рисом и свежим мясом. За долгие месяцы на передовой Чжэнь Вэньцзюнь успела обглодать все окрестные деревья от коры до самых корней, изнутри и снаружи. Её рот уже онемел от этой сухомятки, и она почти позабыла, каково мясо на вкус. Вэй Тинсюй приказала приготовить в котле огромную порцию тушёных свиных ножек и Чжэнь Вэньцзюнь уловила этот божественный аромат ещё за сто шагов от дома.

- Вэньцзюнь, скажи, я что, окончательно обезумела от голода и у меня начались

галлюцинации? – А-Си, которая учуяла запах мяса одновременно с ней, мёртвой хваткой вцепилась в её плечо, а её ноздри судорожно раздувались, ловя воздух.

– Нет, это точно мясо!

– И это свиные ножки!

– С добавлением ароматных специй!

– И жирные, и разваристые!

– Ох, матушка моя родная!..

Две девушки, точно обезумевшие на поле боя войны, с горящими глазами полетели на этот манящий запах и, сами того не замечая, прибежали напрямик к порогу собственной лачуги. Они в недоумении переглянулись, осторожно толкнули дверь внутрь и хлынувший им навстречу густой аромат наваристого мяса едва не заставил их лишиться чувств от восторга.

Их старая, привычная убогая хибарка трудами Линби и Сяохуа преобразилась до неузнаваемости. Все дырявые, пропускавшие ледяной ветер углы и трещины в стенах были аккуратно заделаны и замазаны, кособокий стол, который вечно заваливался то влево, то вправо, и колченогий стул были ювелирно починены, и даже постельные принадлежности на лежанке были свёрнуты в идеальные, ровные стопки. Вэй Тинсюй восседала прямо напротив входных дверей за деревянным столом. С лицом, белым и безупречным, точно благородный нефрит, и облачённая в роскошную шубу из меха фиолетового соболя, она ласково смотрела на вошедших, мягко улыбаясь.

– Ох ты ж боже... – А-Си от такого зрелища даже отшатнулась назад, едва не вывалившись обратно за порог. – Это откуда же к нам в глушь такую прекрасную фею-сестрицу занесло?

По правде говоря, комната просто стала чистой и прибранной, а убранство осталось прежним. Однако одно лишь присутствие Вэй Тинсюй заставило эту нищую хибарку в самом прямом смысле засиять ослепительным блеском.

Чжэнь Вэньцзюнь устремила хищный взор на стоявшую у печи и непрерывно исходившую паром кастрюлю, под которой Сяохуа и Линби как раз подкладывали в огонь свежие дрова.

Вот он - источник этого умопомрачительного аромата!

Чжэнь Вэньцзюнь уже протянула было руку, намереваясь сорвать крышку с котла, но Линби точным и быстрым ударом походной щепки мгновенно отбила её пальцы назад.

– Кто тебе позволил руки распускать? Ещё не готово! – с напускным презрением оборвала её Линби. – К тому же госпожа сидит здесь и даже слова не проронила, а ты уже лезешь куски хватать, что за манеры?!

Чжэнь Вэньцзюнь надула губы от глубокой обиды:

– Да я... я просто хотела одним глазком взглянуть, правда ли там свиные ножки! Я же с голоду умираю!

Вэй Тинсюй мягко и ласково произнесла:

– Линби, полно тебе дразнить её. Это ведь с самого начала для неё и варилось.

Чжэнь Вэньцзюнь была приятно шокирована. Вэй Тинсюй полностью отбросила былую столичную отстранённость, и в её голосе сейчас сквозила такая неприкрытая нежность, что девушка почувствовала себя на седьмом небе от счастья. И всё же в её душе шевельнулось смутное опасение, и она осторожно, прощупывая почву, спросила:

– Сестрица, а эти свиные ножки... ну... они ведь не твоих собственных рук дело, верно?

Улыбка на лице Вэй Тинсюй ни капли не изменилась, когда она ровным тоном ответила:

– Что ж, в таком случае давай возьмём этот котёл со свиными ножками, которые Сяохуа лично томила на огне, и прикажем раздать их остальным воинам Великой Юй. Братья на передовой изрядно потрудились, им наверняка тоже хочется почувствовать вкус настоящего мяса.

– Нет, нет, нет, сестрица, я была неправа! Ни в коем случае ничего не отдавай, я с таким трудом дождалась хоть капли жира! – со скоростью молнии покачалась Чжэнь Вэньцзюнь.

Свиные ножки наконец дошли до готовности. Когда их выложили в глубокие чаши, оказалось, что нежное мясо местами уже полностью разварилось и растворилось в бульоне, отчего подливка стала густой и молочно-белой. Огромный котёл исходящего умопомрачительным ароматом мяса и любимый человек, по которому она так долго тосковала, были прямо перед ней. Разве могло в этом подлунном мире существовать мгновение счастливее?

Чжэнь Вэньцзюнь отправила в рот первый кусок мягкого, сочного мяса. Оно буквально растаяло на языке, и в ту же секунду по её щекам безудержно покатились две крупные слезы.

Как же хорошо жить... Господи, какое же это счастье просто оставаться в живых... - думала она.

А-Си тем временем сиротливо жалась в самом дальнем углу комнаты, то и дело шумно

сглатывая слюну. Заметив, что подруга не решается подойти, Чжэнь Вэньцзюнь, не выпуская из рук сочную косточку, крикнула ей:

– Да ты чего там застыла, А-Си?! Живо иди сюда, налегай на мясо! Оно такое вкусное, что ты вместе с ним собственные пальцы проглотишь!

– Я... ну... мне как-то неловко лезть к вашему столу, – робко пролепетала А-Си, хотя её ноги сами собой уже сделали несколько широких шагов по направлению к кастрюле.

– Подходи, не стесняйся. Раз ты подруга Вэньцзюнь, значит, отныне ты желанный гость в нашем доме, – Вэй Тинсуй сегодня была непривычно радушна и приветлива. – Присаживайся, отведай с нами...

Она не успела до конца договорить последнее слово, как А-Си буквально за секунду долетела до Чжэнь Вэньцзюнь и уселась рядом, а её глаза восторженно заискрились, точно две яркие звезды:

– Ну, раз так, я не стану скромничать?!

Чжэнь Вэньцзюнь со смехом подложила ей в миску самый сочный и огромный кусок:

– Ешь, ешь, да побольше! Забудь про церемонии!

Глядя на то, с каким невероятным аппетитом и упоением А-Си уплетает угощение, и чувствуя, какая благодатная, гармоничная атмосфера царит за этим убогим столом, Чжэнь Вэньцзюнь мысленно обратилась к покойной матери.

Матушка, посмотри на них... Похоже, именно эти люди станут той самой семьёй, которую я буду оберегать и защищать до самого своего последнего вдоха.

Сытно поев и утолив жажду, Чжэнь Вэньцзюнь вместе с Линби отправились за город собирать дикорастущую зелень. И пусть весна на севере была скоротечной, в ней уже отчётливо чувствовалось дыхание тепла. Травы, всю долгую зиму спавшие под покровом мёрзлой земли, теперь изо всех сил пробивались к солнцу. Девушки собирали их с таким азартом, что, увлёкшись, незаметно прошли путь от самых городских стен до глухой пригородной чащи.

Вэй Тинсуй привезла на фронт белоснежного боевого коня Чжэнь Вэньцзюнь по кличке Юньчжун Фэйсюэ. Встретившись с лошастью после долгой разлуки, Чжэнь Вэньцзюнь ласково погладила её по гриве. Заметив, что Линби идёт вперёд без остановки, собираясь углубиться в самую чащу леса, она окликнула её:

– Давай не будем заходить дальше. Мало ли какая опасность подстерегает в диком лесу. Даже если не наткнёмся на чунциньцев, встреча с парой волков легко может стоить нам жизни, –

она встряхнула бамбуковую корзину, наполовину заполненную травой. – Этого вполне хватит, чтобы разнообразить похлёбку на несколько раз.

– Ха? Этого? Да после варки тут и на один укус не наберётся! – Линби взгляделась в глубь леса.
– Посмотри вон туда, у того трухлявого поваленного дерева виднеется целая поляна. Там травы больше, чем мы собрали за всё это время. Давай соберём её и сразу повернём обратно.

– Так ведь это же так далеко!

Линби лишь усмехнулась:

– Если боишься, то возвращайся первая, – с этими словами она решительно направилась напрямиком к поваленному стволу.

Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно знала, что Линби, полагаясь на своё превосходное владение боевыми искусствами, издавна отличалась отчаянной смелостью. К тому же сейчас, когда Вэй Тинсуй не было рядом, её сердце не сковывала тревога за безопасность госпожи. Понимая, что Линби идёт на риск исключительно ради того, чтобы раздобыть хоть каплю лишнего провианта для голодающих в городе раненых солдат, Чжэнь Вэньцзюнь без лишних слов двинулась следом за ней.

Однако в лесу им не повстречались ни разбойники-ху, ни волки. Вместо этого они заметили всадника, который на бешеной скорости мчался мимо них наперерез.

Человек сидел верхом на низкорослом степном скакуне. Лошадь летела стрелой, а её копыта были плотно обмотаны тряпками, из-за чего удары о землю издавали лишь едва различимый, глухой стук. Этот путник пронёсся сквозь рощу со стволами, белевшими точно кости, подобно бесплотному призраку.

И всё же Чжэнь Вэньцзюнь безошибочно узнала в нём одного из гвардейцев Хубэнь, что всегда неотлучно несли стражу подле Ли Цзюя.

Какая странная чертовщина.

Укрывшись за густыми ветвями деревьев, Чжэнь Вэньцзюнь и Линби застыли в полном недоумении.

Ли Цзюй ещё толком не оправился от тяжёлого ранения, а силы Ли Яньи к тому же прочно закрепились в уезде Цзе, в такой судьбоносный момент командиру гвардии Ся Цзиню дорог был каждый боец. Зачем же он отправляет своего верного человека вон из города? Судя по направлению, всадник держал путь напрямиком к Мэнляну.

Причём этот гвардеец вовсе не походил на обычного гонца с донесением, маскировка копыт

выдавала в нём наёмного убийцу.

Что же ему понадобилось в Мэнляне?

В эту секунду в сознании Чжэнь Вэньцзюнь ослепительной вспышкой родилась страшная, леденящая кровь догадка. Времени на раздумья и колебания не оставалось. Она мгновенно перебросила свою бамбуковую корзину с травой в руки ошарашенной Линби и одним резким движением взлетела в седло своего коня Юньчжун Фэйсюэ, готовясь сорваться с места.

– Ты?! Ты куда это собралась?! – сдерживая голос, испуганно прошептала Линби.

– Возвращайся в город одна, а я скоро буду! – Чжэнь Вэньцзюнь некогда было пускаться в долгие объяснения. Она с силой пришпорила коня и вихрем помчалась наперерез таинственному призраку.

<http://bllate.org/book/17227/1740258>